

НАЦИОНАЛЬНЫЕ ОТНОШЕНИЯ

В.В. СОГРИН

Что есть российская нация и российский народ (Обобщающая работа В.А. Тишкова)

Автор анализирует концепцию российского нациестроительства, изложенную в книге В. Тишкова. Он поддерживает обоснованные в книге безальтернативность российской гражданской нации, ее диалектический анализ, перечень базовых ценностей, скрепляющих российский народ. Вместе с тем дискуссионным, на его взгляд, остается вопрос о путях формирования российской гражданской нации.

Ключевые слова: российская гражданская нация, российский народ, этнический и гражданский национализм, единство в многообразии.

The author analyzes the concept of Russian nation-building, stated in V. Tishkov's book. He supports proved in the book idea of the Russian civil nation, the dialectic analysis of the domestic nation of the nations, the list of the base values fastening the Russian people. At the same time debatable, in his opinion, there is a question on ways of formation of the Russian civil nation.

Keywords: the Russian civil nation, the Russian people, ethnic and civil nationalism, unity in diversity.

Не будет преувеличением сказать, что одна из главных задач В. Тишкова, известного отечественного ученого, директора Института этнологии и антропологии РАН, академика РАН, а также общественно-политического деятеля (в частности, он – бессменный член Общественной палаты РФ) – обоснование полезности и жизненной необходимости для России *гражданской нации* и, что не менее важно, ее скорейшее формирование на практике. Еще в начале 1990-х гг. в бытность министром по делам национальностей в федеральном правительстве он сформулировал свое кредо: “Россия – это национальное государство россиян, в состав которого входят представители всех этнических групп: русские, якуты, татары, чукчи, корейцы, украинцы и многие другие, кто проживает на ее территории и обладает гражданством” [Тишков, 1994]. 14 лет спустя он так оценивал значение этого кредо: «В постсоветской России это было первое высказывание о российской гражданской нации и культивировании чувства принадлежности к общности россиян на основе формулы “единство в многообразии”. Спустя год это положение попало в ежегодное послание президента Б. Ельцина» [Наследие... 2008, с. 455].

Восприятие концепции гражданской нации российским президентом отнюдь не повлекло ее триумфального шествия по российским научным, идеологическим и

политическим просторам. Напротив, среди ученых, идеологов, да и политиков приверженцы этой концепции, одним из лидеров которых неизменно являлся Тишков, оставались в меньшинстве. Более того, Тишков подвергся массивованным атакам со стороны оппонентов. В противовес его научным изысканиям и политическим предложениям было написано множество монографий, памфлетов, манифестов защитников чистого *этнического* (как абсолютной альтернативы *гражданского!*) национализма. Тишков с ними перманентно полемизировал, развивал собственные концепции, как в научных трудах, так и в публичных дискуссиях. Их основные результаты обобщены недавно в емкой, написанной лаконично и ярко, рассчитанной на широкого читателя книге [Тишков, 2010].

Что такое, согласно Тишкову, российская гражданская нация? Это *нация наций*: в ней сосуществуют многие *этнические нации* – русские, тувинцы, башкиры, осетины, якуты, татары, чукчи, корейцы, украинцы, евреи, армяне и др., абсолютно на равных включенные в главную, но уже *не этническую*, а *гражданскую* российскую нацию. Все они в равной степени россияне с абсолютно одинаковыми гражданскими, экономическими и политическими правами и обязанностями. Это *российская нация*, которая имеет сходство, но и определенное отличие от понятия *российский народ*. Российский народ – это территориальное сообщество, а российская нация – сообщество гражданско-политическое. Российская нация, как и любая другая гражданская нация, обладает некоторыми основополагающими признаками – *проживает в едином национальном государстве, скрепленном общей хозяйственно-экономической основой, контролируемой центральной властью территорией, с общими ценностями и культурными основами для большинства жителей страны*.

В. Тишков неизменно подчеркивает, что используемые им дефиниции коррелируют с современной мировой обществоведческой литературой и, подобно последней, отражают мировую практику нациестроительства XXI в. (но оформилась она в предшествующее столетие). В книге приводятся обширные материалы и развернутые аргументы, показывающие, что нация наций, сохраняющая этнические нации, но и объединяющая их в гражданскую нацию, существует сегодня в Великобритании, Франции, Испании, США, Китае, Индии, многих других странах; как в развитых демократиях, так и в странах, вступивших на демократическую стезю недавно или даже остающихся в рамках недемократических режимов. С точки зрения нациестроительства все они восприняли оптимальную модель.

Конкретные характеристики современной зарубежной гражданской нации чаще рассматриваются на примере США. Уделим им внимание и мы. США объединяют представителей многих расово-этнических наций (в американской социологической литературе их предпочитают называть этническими группами) – больше, чем во многих иных странах. Одна из известных тому причин – Америка страна иммигрантов, другая заключена в том, что демократизация и либерализация с 1960-х гг. иммиграционного законодательства привели к возобладанию среди иммигрантов – выходцев из множества азиатских, африканских и особенно латиноамериканских стран. Но все жители США, независимо от расовых и этнических различий, считают и называют себя *американцами* и демонстрируют наличие *общей ментальности* и приверженность *общим ценностям*. С 1960-х гг. эта *американская гражданская нация* все в большей мере включает качественные нововведения. Завоевание чернокожими в то десятилетие равных с белыми гражданских и политических прав, как и демократизация иммиграционного законодательства, повлекли рост самосознания небелых этнических наций. В результате в американском нациестроительстве, наряду с прежним “плавающим котлом”, создававшим гражданскую нацию на основе англосаксонского ядра, оформился феномен мультикультурности, означающий культурную автономию всех этносов. Это повлекло сжатие англосаксонского ядра гражданской нации, определенную трансформацию последней. Но протестов со стороны основной части политического класса, как и белой Америки, это не вызвало (хотя в латентном виде они присутствуют). Важной тому причиной было осознание и признание того, что оптимальный, мак-

симально минимизирующий конфликты вариант развития США заключается в умелом сочетании интересов гражданской и этнических наций. При всем том за гражданской нацией сохраняется приоритет, а представители всех этносов считают себя *американцами* и гордятся этим.

Подобный диалектический вариант – “единство в многообразии” (*unity in diversity*) – соотношения гражданской и этнических наций, с теми или иными вариациями, существует и в других современных странах. Тишков, на мой взгляд, резонно полагает и аргументированно доказывает, что он оптимален и для российского нациестроительства. Он современен, он демократичен, он создает максимальные возможности для снятия конфликтов между этническими нациями и утверждения внутри- и внешнеполитических интересов национального государства. Но эту логику оппоненты Тишкова воспринимают с трудом, а часто категорически отказываются вступать в диалог, остаются к ней глухими, претендуя на абсолютную правоту.

Тон среди них задают этнонационалисты, не желающие жертвовать интересами своей “титულიной” этнической нации, а также догматически мыслящие ученые и политики, заимствовавшие представления о нациях из советского прошлого или чурающиеся опыта зарубежных стран. К последним можно отнести Р. Абдулатипова, который после первых выступлений Тишкова в пользу российской гражданской нации обратился с открытым письмом к президенту Ельцину, обвиняя “безнациональных ученых и политиков”, которые “подбрасывают президенту западную идею нации как согражданства” (цит. по [Наследие... 2008, с. 456; Тишков, 2010, с. 129]). Тогда же в адрес Института этнологии и антропологии РАН пришли запросы от лидеров ЛДПР В. Жириновского и А. Митрофанова с просьбой дать заключение: на каком основании появился и используется термин “россияне”, который никакой народ не представляет и является своего рода эвфемизмом? [Тишков, 2010, с. 121].

С открытым забралом вступали в идеологическую схватку русские этнонационалисты. А. Ципко недвусмысленно обозначил их притязания в названии собственной книги: “Россию пора доверить русским. Критика национального нигилизма российских либералов” [Ципко, 2003]. В. Соловей утверждал: “Россия может быть только государством русского народа, или ее не будет вовсе” [Соловей, 2005, с. 312]. Подобный подход стал одним из основополагающих для журнала “Главная тема”, редактируемого М. Леонтьевым, ведущим публицистом телеканала ОРТ [Тишков, 2010, с. 128]. В. Третьяков, антилиберальный редактор другого нового журнала “Политический класс”, распахнул дверь для одного из ведущих русских националистов – А. Севостьянова. Тот был предельно категоричен: «Искусственное создание политической нации по франко-американскому типу (в нашем случае – нации “россиян”) не предполагается, да оно и невозможно в условиях России. “Лояльность русскому народу” – вот новый тест, обязательный для всех жителей нашей страны, коренных или пришлых – не важно» (цит. по [Тишков, 2010, с. 183]).

Свою лепту в борьбу с “нерусским духом” вносили неоевразийцы. Их идеолог А. Дугин, стремясь заключить в собственные “духовные” объятия В. Путина, “возвеличивал” его следующим образом: «С ним все было понятно, и русский фактор был, не исключено, решающим. И харизма у Путина русская, и рейтинг у него русский... Менее “русского”, чем Путин, я полагаю, люди просто не выберут, нужен, как минимум, столь же русский». А катехизис Евразийского союза молодежи гласил: “Ты должен быть господином... Ты рожден править Евразией... У тебя одна Родина – мать Евразия... Ты больше чем человек... Наша цель – абсолютная власть... Мы – господа земли... Мы все вернем назад. Таков белый завет Евразии” (цит. по [Тишков, 2010, с. 177, 158]).

Этнонационализм был присущ и представителям других наций, проживающих на территории современной России. Ярким и ярым его выразителем, с которым Тишков неоднократно вступает в полемику, выступал казанский ученый Р. Хакимов. Он категорически обосновывал невозможность существования российской нации, но уже отстаивая особые интересы собственного, а не русского этноса. Принципу “Единство в

многообразии” он, по сути, противопоставлял принцип “Многообразие без единства”: «В Российской Федерации этническую дифференциацию невозможно нивелировать, наступила эпоха, стимулирующая культурное многообразие. В этих условиях пытаться конструировать нацию-государство “россиян” все равно, что пытаться плыть против течения в то время, когда в баке кончился бензин» [Хакимов, 2005, с. 64].

Дискутируя с проявлениями этнонационализма, Тишков вскрывает объективные причины его распространения в современной России, как и в целом на постсоветском пространстве. Гносеологическая причина заключается как в длительной изоляции отечественного общественнознания от мирового, так и в безраздельном господстве в СССР формулировок, отождествлявших нации исключительно с этническими общностями. Еще более важна причина онтологическая: распад СССР привел к мощному взрыву самосознания бывших этнических советских наций, многие из которых – если не большинство – стали претендовать на роль “титულიной нации” в территориальных рамках прежних союзных республик и автономий. Несть числа примерам проявления “титულიного” этнонационализма в Эстонии, Латвии, Грузии (вспомним кредо З. Гамсахурдия – “Грузия для грузин”, приведшее в трепет негрузинские этносы и в конечном счете послужившее одной из причин выхода Южной Осетии и Абхазии из состава грузинского государства). Тишков иллюстрирует крайности постсоветского этнонационализма в публицистической манере: «Об элите титульных этнонаций новых государств и говорить не приходится: ее представители все как один избрали миссию служения своему “национальному государству”... Если это Украина, тогда в ней все принадлежит этническим украинцам, включая территорию, воздушное пространство, недра, власть, язык суда и образования и даже язык налоговых деклараций, половину которых заполняют граждане, говорящие на другом языке. И так по всем постсоветским странам продолжают свое победное шествие бывшие социалистические этнонации» [Тишков, 2010, с. 174].

Пагубные последствия этнонационализма в постсоветской России драматически проявились в истории Чеченской Республики и ее взаимоотношений с Россией. Трагические итоги “титულიного” этнонационализма запечатлены не только в Чечне. В республиках Северного Кавказа в условиях войны в Чечне началась пропаганда и насаждение среди населения, особенно молодежи, антироссийских взглядов на основе радикально-ваххабитской исламистской доктрины. Своего рода “симметричным ответом” на этот вызов (иногда это явление называют этнополитическим маятником) стала радикализация ультранационалистических доктрин и деятельности от имени русского народа [Тишков, 2010, с. 48; 2001]. Уроки, преподнесенные этнонационализмом в постсоветской России, очевидны. Этнонационализм в качестве основы нацистроительства пагубен в любом варианте. Альтернативой ему может быть гражданская нация, нация наций – “единство в многообразии”.

Один из главных посылов Тишкова в обоснование возможностей создания российской гражданской нации заключается в поиске ее корней в российском прошлом. Такие корни, согласно его позиции, основывающейся на дискурсивном подходе, заключены в первую очередь в ментально-языковой среде, в сознании передовых представителей российского общества на разных исторических этапах. Это становится очевидным со времен Российской империи, в лоне которой, несмотря на кажущееся противоречие (империя и национальное государство, согласно распространенному в научной среде мнению, несовместимы), зарождалось общенациональное российское государство. Одним из его прародителей был Петр I: «...в эпоху Петра Великого в России зарождается своего рода “донациональный” национализм, национализм гражданского типа, ибо он обосновывал существование российского народа и впервые утверждал категорию “россияне”, обозначающую граждан единого отечества». Большой вклад в абсорбирование этого понятия внес Н. Карамзин: “В его эпоху благодаря сочинениям самого ученого еще более прочно утвердилось представление о самостоятельном субъекте, который назывался *российским народом* или *россиянами* – своего рода прототипе гражданской нации”. Затем «Пушкин завершил идеологический про-

рыв, совершенный историографом, в утверждении категории русский народ, хотя, безусловно, поэт пользовался словом “русский”, возможно, даже чаще и в самых разных вариациях. При этом он не делал особых различий между двумя категориями». Концепт гражданской российской нации получил на либеральном этапе царствования Александра I отражение в воззрениях самого императора. Практического воплощения это, по причине косности “дворянства, военщины и бюрократии, общей отсталости страны” не нашло, но “идея нации и понятие русского народа как общности, которая заслуживает своего представительства, нашла отражение в проектах соратников императора – М. Сперанского и Н. Новосильцева” [Тишков, 2010, с. 64, 70, 73, 79].

Идея национального русского государства получила дальнейшее развитие во второй половине XIX–начале XX в., при этом особый вклад в ее пестование внесли П. Струве, М. Катков, П. Милуков, С. Витте. В целом накануне революции 1917 г. “полумодернизированная империя” не возвысилась до “официального государственного национализма”, но «тем не менее в стране сложилось представление об общности судьбы и веры, и это представление создавало реальную общность, объединявшую образованную (служилую и интеллектуальную) часть населения, для которой слово “Россия” означало гораздо больше, чем название страны. Россия накануне революции была как империей, так и национальным государством на основе многонародной нации» [Тишков, 2010, с. 59, 82, 85–86, 92]. Обрыв произошел в связи с событиями 1917 г., сокрушившими Российскую империю.

Даже для специалистов, не занимающихся профессионально историей Российской империи, очевидно, что обозначенные изыскания и выводы Тишкова носят оригинальный характер и стимулируют дальнейшее научное исследование проблемы. Сам ученый указывает на дефицит предшественников как в России, так и за рубежом: “Только немногие, как, например, гарвардский профессор русского происхождения М. Карпович, разрабатывали взгляд на Россию как на национальное государство, будь то Российская империя или СССР” [Тишков, 2010, с. 53].

Пока же больше тех, кто придерживаются иных точек зрения. С некоторыми Тишков полемизирует. Например, с известным отечественным исследователем истории Российской империи Б. Мироновым, характеризовавшим ее как “многонациональную империю”. Или с современным отечественным автором А. Миллером, который, по оценке Тишкова, “не отважился сделать решающий шаг в рамках разделяемого им понимания дискурсивной (а не позитивистско-социологической) природы нации и национализма. А именно – более определенно признать существование в России представления об общности по государству (т.е. представления о гражданской нации), как бы эта общность ни называлась на разных этапах истории...” [Тишков, 2010, с. 51 и далее, с. 95]. В связи с данным суждением небезынтересно привести мнение Миллера: “Если Тишков считает, что Миллер в своих рассуждениях иногда не делает важного последнего шага, то я считаю, что Тишков иногда идет в своих рассуждениях на шаг дальше, чем следовало бы. Я исхожу из того, что в России нация-государство как идентификация граждан и система образов, а также как набор определенных практик, механизмов и институтов пока далеко не до конца сформирована” (цит. по [Наследие... 2008, с. 21]). Не вдаваясь в дискуссию между двумя авторитетными специалистами по национальным проблемам России, замечу только, что, на мой взгляд, конкретная тема состояния и соотношения российской нации и империи на исходе последней требует дальнейшего углубленного конкретно-исторического исследования и теоретического осмысления. Также, на мой взгляд, дискурсивного подхода для ее решения недостаточно, а позитивистско-социологический подход остается весьма полезным и необходимым. Использование и того и другого плюс иных методологий может составить весьма полезную междисциплинарность в анализе важной и сложной проблемы.

Тишков обосновывает оригинальную концепцию и в отношении национальной характеристики советского общества: «В целом СССР при внешних формулах “дружбы народов” и интернационализма был мощным национальным государством, где народ с его социальной и идеологической однородностью и советским патриотизмом

представлял собой несомненную нацию, к сожалению, не признанную в данном смысле внутри страны и значительной части внешнего мира» [Тишков, 2010, с. 115]. А вот подробная характеристика объединительных ценностей советской гражданской нации: «Советский народ имел свои объединяющие символы, ценности, представления, культурный арсенал, общие для всех пережитые драмы и достижения, но именовать их типологически невиданной в истории “интернациональной общностью” – псевдо-академическая глупость. На самом деле советский народ был более чем осязаемой реальностью. Более того, существовал советский гражданский национализм без самого слова “нация”, причем в выраженной форме и во многих сферах. Советский национализм проявлялся прежде всего в социальной однородности и в солидарности многоэтнического населения, в широком распространении и использовании русского языка, в территориальной привязанности граждан страны к большой и малой родине. Национальная идентичность проявлялась в форме советского патриотизма, массовых культурно-спортивных манифестаций, в литературном, кинематографическом и театральном процессах и во многих других сферах и формах культурной жизни народа-нации» [Тишков, 2010, с. 120].

Один из главных недостатков нациестроительства в СССР – то, что Советский Союз «был единственным в мире государством в том смысле, что он отважился на рискованный эксперимент отказа от использования столь мощной объединяющей категории, как “нация”, передав ее в исключительное пользование проживающих в стране этнических групп» [Тишков, 2010, с. 116]. Этнический национализм сыграл свою роль в распаде страны по границам этнотерриториальных образований, которые в советском научном и политическом языке назывались “национальными государствами”, но его первой и главной причиной были не национальные конфликты, а глубокий кризис советской экономической системы и социалистического общественно-политического строя.

Признавая объективные причины распада СССР, Тишков вместе с тем критикует попытки объяснять его имперским характером Советского Союза, как и именовать последний империей. В связи с этим он вступает в дискуссию с Е. Ясиным – одним из наиболее видных и авторитетных представителей постсоветского обществознания. Приведу суждение Ясина, вызвавшее наибольшую критику и заслуживавшее особого рассмотрения: “Империя – это государство, в котором один народ (государствообразующий) устанавливает господство или доминирование над другим или многими другими народами, обычно присоединением территории их расселения, и удерживает их под своей властью силой или угрозой силы” [Ясин, 2007, с. 7].

Критикуя это определение с позиций современной исторической и этнополитической науки, Тишков пишет: «В большинстве исторических случаев метрополии не вычлениаются по принципу этнического отличия: один народ – над другим народом или народами... Установить “государствообразующий народ” в империях невозможно, ибо правящие институты характеризуются не этнически и даже не географически, а особым политическим статусом, классовым характером или династическим принципом». И далее не менее важное критическое рассуждение: “Наконец, если СССР был империей, тогда какой народ представляла правящая коммунистическая номенклатура: сталинско-бериевская группа большевиков-соратников по Кавказу, который был местом их рождения или революционной деятельности, или украинско-молдавско-днепропетровский клан, оба захватившие на десятилетия власть в Московском Кремле? Да, говорили в Кремле по-русски, хотя зачастую с сильным акцентом. Да, некоторые объявляли себя русскими, но русскими не были ни по происхождению, ни по самосознанию” [Тишков, 2010, с. 145–146].

Критика определения империи, данного Ясиным, представляется верной и принципиально важной. Но вопрос – был ли СССР империей или обладал какими-то имперскими чертами, как и осуществлял ли империалистическую политику, на мой взгляд, заслуживает дальнейшего обсуждения. Действительно, русский народ не заключал пакта Молотова–Риббентропа в 1939 г., не ответствен за присоединение к

СССР Латвии, Эстонии, Литвы в 1940 г. Он не санкционировал подавление восстания в Венгрии в 1956 г., вооруженного вторжения в Чехословакию в 1968 г. и в Афганистан в 1979 г. Все эти акции – на совести “правлящей коммунистической номенклатуры”, “сталинско-бериевской группы”, “украинско-молдавского-днепропетровского клана”, так же как на их совести подавление свободы русского и всех других народов СССР, навязывание господства и доминирования над Венгрией, Чехословакией, Польшей и другими народами Центральной и Восточной Европы. Но разве эти акции не являются империалистическими и не придают правящему режиму СССР и ему самому, приватизированному этим режимом, черт империи? Империи, понятно, не в традиционном смысле, а в современном, в том, в каком, например, являются ею США после краха СССР и превращения их самих в единственную сверхдержаву.

Обосновывая возможность утверждения в России гражданской нации, Тишков полагается в первую очередь на усилия политической и интеллектуальной элиты по выработке и воспитанию у россиян общенациональных ценностей, обычаев, традиций, составляющих в совокупности национальную идентичность. Вот типичное суждение: “Национальная идентичность – это особая форма идентификации, которая не является естественной, заданной, а должна вырабатываться и распространяться главным образом через усилия интеллектуалов, политиков и общественных активистов, которые делают связь с нацией основополагающим компонентом сознания” [Тишков, 2010, с. 136] (см. также [Тишков, 2010, с. 17, 60, 77, 136, 137, 151, 166, 167, 169, 181]).

Возражений против важной (но не исчерпывающей) роли национальной элиты в формировании национальной элиты у меня нет. Также нет возражений против национальных гражданских ценностей, изложенных в Послании Федеральному собранию 5 ноября 2008 г. Президентом Российской Федерации Д. Медведевым, которые В. Тишков рассматривает как основополагающие. Но определенные критические комментарии у меня имеются. В связи с этим полагаю необходимым вначале привести эти ценности полностью:

”Справедливость, понимаемая как политическое равноправие, как честность судов, ответственность руководителей. Реализуемая как социальные гарантии, требующая преодоления бедности и коррупции. Добываемая достойного места для каждого человека в обществе и для всей российской нации в системе международных отношений.

Это свобода – личная, индивидуальная свобода.

Свобода предпринимательства, слова, вероисповедания, выбора места жительства и рода занятий. И свобода общая, национальная. Самостоятельность и независимость Российского государства.

Жизнь человека, его благосостояние и достоинство. Межнациональный мир. Единство разнообразных культур. Защита малых народов...

Семейные традиции. Любовь и верность. Забота о младших и старших.

Патриотизм. При самом трезвом, критическом взгляде на отечественную историю и на наше далеко не идеальное настоящее. В любых обстоятельствах, всегда – вера в Россию, глубокая привязанность к родному краю, к нашей великой культуре” [Медведев, 2008].

Эти ценности очевидны. Но в послании Медведева, как и в работе Тишкова, отсутствует проблема *разрыва* (или глубокого *расхождения*, если *разрыв* звучит слишком категорично) как между этими ценностями и российской реальностью, так и путей его ликвидации, без чего, на мой взгляд, успешное пестование российской национальной идентичности и гражданской нации в высшей степени затруднительно.

Нет необходимости подробно раскрывать этот разрыв, есть возможность отослать читателя к моим работам, где рассмотрено его возникновение и углубление после “бархатной” либерально-демократической революции 1991 г. на протяжении двух десятилетий [Согрин, 2001; 2005; 2009]. Обозначу негативные следствия этого разрыва для формирования национальной гражданской идентичности и нации в современной России.

Общественное сознание россиян, в которое политическая и интеллектуальная элита должна вносить идею гражданского общества и скрепляющие его ценности, на протяжении 25 лет глубокого общественно-исторического транзита было крайне неустойчивым. От либерально-демократических ценностей рубежа 80–90-х гг. XX в. оно в целом дрейфовало под воздействием перипетий капиталистической модернизации в направлении традиционно-патерналистских моделей советского образца. И если в 1990-е гг. в массовом сознании выбор между меньшим и большим злом – олигархическо-номенклатурный капитализм или советский социализм – решался в пользу первого (этим я в своих работах объяснял победу Ельцина на президентских выборах 1996 г.), то в 2000-е гг. чаша весов, судя по разнообразным социологическим опросам, стала склоняться в пользу советского социализма.

Синдром реставрационного голосования россиян в ходе социологического опроса ярко проявился во второй половине августа 2010 г., когда я готовил данный материал. Во время альтернативного голосования телезрителей, следивших за передачей “Суд времени” по 5-му Петербургскому каналу, подавляющее большинство отдавали голоса в пользу консервативных, а то и откровенно реакционных оценок С. Кургиняна и отвергали либерально-демократические оценки Л. Млечина, как и поддерживавшего его “арбитра” Н. Сванидзе. 70% поддержали захват большевиками власти в 1917 г., 80% – ввод советских войск в Афганистан в 1979 г., 93% – руководителей августовского путча 1991 г. (И это в дни годовщины подавления путча!) После этого организаторы телевизионного цикла, видимо, заподозрив “заговор” консервативно настроенной части телезрителей, объявили, что с каждого телефонного номера будет приниматься только один звонок. Но уже следующее голосование принесло новый обескураживающий результат – более 90% одобрили пакт Молотова–Риббентропа, хотя в ходе обсуждения не только “прокурор” Млечин, но и уже совершенно откровенно “судья” Сванидзе привели множество убедительных аргументов, раскрывавших политически и морально безнравственную позицию И. Сталина и советского руководства. А ведь в конце 80-х–начале 90-х гг. прошлого века массовые опросы и голосования по этим вопросам принесли противоположные результаты.

Это и другие схожие голосования россиян в ходе современных опросов общественного мнения, на мой взгляд, обусловлены не столько выбором в пользу советского прошлого, сколько выражением протеста против нынешней политики власти, которая вроде бы, по крайней мере формально, привержена выбору 1991 г. и Конституции 1993 г. Россиян не устраивает разрыв между обещаниями 1991 и 1993 гг. и реальной социально-экономической и политической практикой власти. В свое время разрыв между обещаниями советской власти и ее реальной практикой привел к краху СССР, и активное большинство россиян выступали на стороне Ельцина и его сторонников, ускоривших этот крах. Но сегодня многим россиянам разрыв между словами и делами нынешней власти кажется уже большим, нежели аналогичный разрыв советских времен, и они часто высказывают предпочтение эпохе брежневского “застоя” или даже сталинских репрессий (характерно, что реформатор Н. Хрущев сегодня не пользуется популярностью).

Безусловно, вносить в подобное сознание россиян идеалы гражданской нации и скрепляющие ее в значительной мере либерально-демократические ценности властной элите крайне затруднительно. Известный социолог Н. Тихонова доказывает, что “гражданская нация может сформироваться только в обществе, прошедшем этап модернизации”. К этому я бы добавил – модернизации, принесшей ощутимые и реальные результаты большинству народа. Только такая модернизация сможет снять его отчуждение от власти и успешно спланировать российский народ в российскую гражданскую нацию. Пока же, как отмечает Тихонова, “гражданская идентичность (с россиянами), столь важная для формирования гражданской нации, не относится... к числу устойчивых МЫ-самоидентичностей населения страны. Даже в благополучных слоях, где общее число идентичностей намного больше, чем в среднем, она не относится к числу ведущих” (цит. по [Наследие... 2008, с. 103, 120]).

Высказанные критические суждения не умаляют новаторского характера концепций Тишкова. Обоснование им безальтернативности российской гражданской нации, развернутый диалектический анализ отечественной нации наций, предложенный перечень базовых ценностей, скрепляющих российский народ, убедительны. Дискуссионным остается вопрос о путях формирования российской гражданской нации. Оптимальным вариантом такой дискуссии, на мой взгляд, был бы открытый и откровенный диалог между властью и обществом.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Медведев Д.А. Послание Федеральному собранию Российской Федерации. 5 ноября 2008 (www.kremlin.ru/transcripts/1968).

Наследие империй и будущее России. М., 2008.

Согрин В.В. 1985–2005: три превращения современной России // Отечественная история. 2005. № 3.

Согрин В.В. Политическая история современной России. 1985–2001: от М. Горбачева до В. Путина. М., 2001.

Согрин В.В. Противоречивые итоги президентства В. Путина // Общественные науки и современность. 2009. № 1.

Соловей В.Д. Русская история: новое прочтение. М., 2005.

Тишков В.А. Общество в вооруженном конфликте. Этнография чеченской войны. М., 2001.

Тишков В.А. Российский народ. М., 2010.

Тишков В.А. Россия как национальное государство // Независимая газета. 1994. 26 января.

Ципко А.С. Россию пора доверить русским. Критика национального нигилизма российских либералов. М., 2003.

Хакимов Р.С. Метаморфозы духа (к вопросу о тюрко-татарской цивилизации). Казань, 2005.

Ясин Е.Г. Фантомные боли ушедшей империи // После империи. М., 2007.

© В. Согрин, 2011